

УДК 81-0:82.0(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-99-107

О некоторых особенностях поэтического языка Сергея Стратановского

Максим В. Пронин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, pronin-mv2016@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности применения средств поэтического языка петербургским андеграундным литератором Сергеем Стратановским. Тексты автора, даже несмотря на его следование всем канонам традиционного силлабо-тонического стихосложения, представляют собой синтез архаичных пластов лексики, устойчивых идеологических клише советского периода, просторечий, бранных слов и оригинальных неологизмов. Изучение своеобразия поэтического идиолекта (регулярно повторяющихся в текстах языковых средств, новых словесных конструкций, целых слов или форм слов, синтаксических конструкций) помогает читателю лучше понять то, каким образом был создан его художественный мир.

Ключевые слова: Сергей Стратановский, советский андеграунд, ленинградский андеграунд, визуальная поэзия, поэтический язык, неподцензурная поэзия, «вторая культура», троп, контркультура

Для цитирования: Пронин М.В. О некоторых особенностях поэтического языка Сергея Стратановского // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 10. С. 99–107. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-99-107

About some features of the poetic language of Sergei Stratanovsky

Maksim V. Pronin

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, pronin-mv2016@yandex.ru*

Abstract. The article considers some features of the use of poetic language by Sergei Stratanovsky, the St. Petersburg underground writer. The author's texts, even despite his adherence to all the canons of traditional syllabic-tonic

© Пронин М.В., 2024

versification, represent a synthesis of archaic layers of vocabulary, stable ideological clichés of the Soviet period, common speech, strong language and original neologisms. Studying the originality of the poetic idiolect (language means regularly repeated in texts, new verbal constructions, whole words or forms of words, syntactic constructions) “uncensored” by the author helps the reader to better understand how his artistic world was created.

Keywords: Sergei Stratanovsky, Soviet underground, Leningrad underground, visual poetry, poetic language, uncensored poetry, “second culture”, trope, counterculture

For citation: Pronin, M.V. (2024), “About some features of poetic language of Sergei Stratanovsky”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 99–107, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-99-107

Согласно известному лингвисту М.И. Шапиру, поэтический язык, или «язык художественной литературы», является

...одним из важнейших языков духовной культуры, таким же значимым, как, например, языки религии и науки, который находится в стадии постоянного противостояния со стандартным литературным языком, как средством повседневного человеческого общения и быта¹.

По аналогии с другими упомянутыми им же языками духовной культуры язык поэтический является открытым и ориентированным на изменение, на поиск новых выразительных возможностей и оригинальность. В противовес литературному языку поэтический язык не является пассивным и не ориентируется на общепонятный облегченный пересказ, повторение и популяризацию уже известных словесных форм и конструкций. Основным фактором его эволюции является «не отбор, а изобретение». Поэт, деятель советского андеграунда Сергей Стратановский в интервью июня 2023 г. воспринимал деятельность ленинградских поэтов 1960-х и 1970-х гг. как оппозиционную относительно господствовавшего тогда в стране социалистического реализма. В стране отсутствовали частные издательства, независимые от государства толстые журналы и более массовые периодические издания, а члены офи-

¹ Здесь и далее работа М.И. Шапира цитируется по следующему источнику: *Шапир М. Язык поэтический // Литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / Под ред. Л.В. Чернец. М., 2000. С. 350–359.*

циального же Союза писателей вообще не были заинтересованы в том, чтобы на литературной карте страны появлялись какие-либо новые имена, кроме их самих. Он связывал появление самиздатской периодики (по его словам, исключительно ленинградского явления) с актуализацией процесса, который он условно именуется «культурным сопротивлением»², после знаменитой «бульдозерной выставки» художников сентября 1974 г. Стратановский не считает корректным само понятие «неофициальная литература»: «дебютировать можно было только в официальной литературе, но нас туда не пускали. Потому-то и появилась самиздатская периодика»³. Свое местоположение в андеграундной тусовке он обозначает следующим образом:

Как литератор я мог существовать лишь в определенной среде. Такая среда в Ленинграде в 1970-е годы была, и она «держала на плаву». Благодаря ей и появилась самиздатская периодика. В этой среде были разные группы, и осознание, что мы образуем некое единство, приходило постепенно...⁴

Несколько слов Стратановский посвятил и взаимоотношениям в группе литераторов: ему были дороги все те авторы, с кем он общался в юности, даже несмотря на то, что они в собственно литературном плане ему могли быть эстетически или идейно чужды, ведь со временем все подобные разногласия неизбежно стираются, и «начинаешь ценить то, что раньше оставляло равнодушным или даже вызывало раздражение». Упоминаемые Кривулиным слова из «запретной зоны социалистического реализма» «Бог», «Ангел», «Душа» и др. у Стратановского появлялись только в стихотворениях на экзистенциальные темы, но это совсем не означало, что по жизни данный поэт являлся сторонником идеи реального существования ангелов или субстанциональности души. «Просто на эти темы возможно говорить только так...», – отрезал все обвинения в «духовном» характере своей поэзии автор. А фольклор, в свою очередь, давал ему исключительную возможность говорить прямо или косвенно на некоторые интересовавшие его актуальные социальные темы. Здесь Стратановский реализует на практике кривулинские схемы «отчуждения от стихотворной ткани» и противопоставления

² Цит. по: *Маркина А.* Сергей Стратановский: «Мы были на культурном пайке» // Форма слов. URL: <https://formasloff.ru/2023/06/15/sergej-stratanovskij-my-byli-na-kulturnom-pajke/> (дата обращения 30 марта 2024).

³ Там же.

⁴ Там же.

автора его словам, доминирующей в ленинградской андеграундной поэзии 1970-х гг., а также обращение к некоторым архаичным образцам русской и мировой культуры как оппозиционный жест господствовавшему тогда в СССР социалистическому реализму. Сами понятия «петербургская», «московская», «уральская», «сибирская», «язанская» и др. поэзии Стратановский считает достаточно рыхлыми, условными, которые только сбивают с толку всех читателей и исследователей андеграунда. Взамен этих географических категорий он предлагает говорить о «современной русской поэзии» (как назвал свою статью 1979 г. Кривулин) и различных неоднородных векторах ее развития. Такое сходство во взглядах на свою литературную деятельность у интервьюируемого не является случайным совпадением обстоятельств: в том же интервью 2023 г. Стратановский называет Виктора Борисовича Кривулина «одним из тех людей своего поколения, которые во многом сформировали его как личность, а не как поэта»⁵.

Уникальность поэтики Стратановского – в том, что ее максимальная внешняя риторичность совершенно не мешает внутренней крайне антириторической установке. Оценка присутствует в смещении синтаксиса, в гротескном преувеличении, в контрасте между культурной установкой и ее интерпретацией, – говорил о Стратановском Данила Давыдов⁶.

Стихотворение «Шариков – Преображенскому» (1999) С. Стратановский строит в виде ролевой лирики, или гипотетически возможного монолога Полиграфа Шарикова по следам своего обратного превращения после случившейся некоторое время назад удачной операции, совершенной профессором в «Собачьем сердце» Булгакова. Для демонстрации его прямой речи поэт активно прибегает к использованию сниженной, просторечной лексики, поскольку сам Полиграф в оригинальном булгаковском тексте являлся олицетворением аморального, безнравственного образа жизни – алкоголик, хулиган, дебошир, душитель кошек. Шариков Стратановского, превращенный обратно в собаку и, в отличие от булгаковского пса, имеющего право голоса даже после обратной трансформации, также предстает перед читателями в образе хамоватого и местами даже приבלатненного типа, который

⁵ Там же.

⁶ Цит. по: Давыдов Д. «Кто же он в самом деле?» // Журнальный зал. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2006/12/kto-zhe-on-v-samom-dele.html (дата обращения 30 марта 2024).

сквернословит и злоупотребляет сниженной лексикой, коверкает слова, принятые в рамках литературной нормы. Человека, который провел над ним свой естественно-научный опыт в личных целях, он характеризует не иначе, как «лепилу хренова» и «естества пытала», к тому же, начиная свой монолог с «пацанского» обращения «эй, профессор!», которое в литературной норме совершенно недопустимо применительно к заслуженным ученым, к которым у Булгакова на момент начала действия повести относился и хирург Ф. Преображенский. Полиграф Шариков, превратившийся обратно в собаку, не утрачивает свои память и аналитическое восприятие событий, происшедших с ним до и после операции, искренне возмущается итогами проведенных опытов профессора Ф. Преображенского и заявляет, что хотел всего лишь только «отсобачиться», стать человеком, всего лишь «кошколовом», но не уголовником и не «убийцей научным, живопыталкой, как ты». Имеет возможность он и передать свое текущее положение – по его «словам», которые Стратановский также передает во время монолога с «виртуальным», не находящимся в системе персонажей данного стихотворения профессором, сегодня бывший алкоголик, дебошир и маргинал лежит «псом покорным» на ковре, у гардины (поэт использует здесь синоним таких более известных слов «штора» и «занавеска») в «тоскливом тепле» и с тяжелым сердцем констатирует, что человек в нем действительно «сдох», даже не успев совершить что-то общественно полезное для страны и общества, среди которого он некоторое время находился, и тянется теперь у него скучная, серая, примитивная собачья жизнь – медленно и нудно тянется его «беспросветный, собачий век». Другие собаки при этом этот медленный и нудный век живут себе весело и припеваючи, гуляя по домам или дворам с другими себе подобными псами, едят и спят, но при этом, в отличие от «Шарикова», они всегда оставались собаками и никогда не превращались в людей по воле случая и действий научных работников. Собакам совершенно непонятна выбранная их сородичем линия поведения ввиду отсутствия у них соответствующего опыта, а людям эти внутренние «рассуждения» обратно мутировавшего «пса» недоступны, поэтому монолог-обращение Шарикова к своему «создателю» остается не более чем гласом вопиющего в пустыне, в котором слова высокого штиля и метафоры («нож чудодейный», «век посмертный, беспросветный, собачий», «гардина») изящно сочетаются с лексикой подворотен и пивных («лепила хренов», «живопыталка», «отсобачиться»).

Сама советская действительность в целом предстает у Стратановского как паноптикум неких, по замечанию исследователя

Олега Рогова, «метафизических сущностей»⁷. При ее изображении поэт прибегает к использованию одного из простейших приемов – образования новых слов, начинающихся с основы глав-: Главрыбы, Главхлеба, Главсоль и др., по аналогии с советскими реально существовавшими названиями «Главлит», «Главпур», «Главбух»: «А там – Главрыбы и Главхлеба, немые, пасмурные души... И буквы вывески Главсоль шагают по воде...»⁸. Подобными приемами среди деятелей андеграунда очень часто также пользовался Леонид Аронзон. Новые слова в одном из его поэтических текстов образывались преимущественно сложением основ с присоединением соединительной гласной «О». И в результате получались названия неких метафизических существ: «Она была: деводеревом, девооблаком, девоюношей, девоангелом, девоночью, девоутром». Визуальный рисунок стихотворения в его случае напоминал постепенно уменьшающийся прямоугольник.

В стихотворении «Врут ведь америкосы» (2015) поэт саркастически комментирует активно тиражируемую некоторыми российскими средствами массовой информации версию «лунного заговора», из которой следует, что в 1969 г. американцы не были на Луне, сама высадка на Луну – это не более чем павильонное шоу для телевизионных камер, а через три года после так называемой вылазки США советский спутник доставил на Землю лунный грунт и он оказался терракотового (скорее коричневого, с оттенками красного) цвета, а не серым, как то следовало из видеорядов и фотографий от НАСА. В саркастическом комментарии («Врут ведь америкосы, что серого цвета грунт лунный, / Сами они, пиндосы, серую краску разлили...») Стратановский использует некоторые образцы этнофолизмов (не употребляемых местным населением этнонимов с отрицательной коннотацией) в адрес жителей США: «пиндосы» и «америкосы», по аналогии с «фриц» для немцев вне зависимости от их отношения к нацистской идеологии, а также «макаронник» для итальянца или «лягушатник» для француза, ставя перед собой задачу высмеять всех сторонников «лунного заговора». Подобный подход не является следствием развития событий в стране и мире 2010-х гг. Ранее, в 2000-е гг., в стихотво-

⁷ Цит. по: *Рогов О.* О поэзии Сергея Стратановского (Очерки русской неподцензурной поэзии второй половины XX века. Статья вторая) // Журнальный зал. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/1999/9/orezii-sergeya-stratanovskogo.html> (дата обращения 30 марта 2024).

⁸ Цит. по: *Стратановский С.* Стихи // Интернет-портал «Вавилон: современная русская литература». URL: <https://www.vavilon.ru/texts/stratanovsky1-2.html> (дата обращения 22 сентября 2024).

рении «Вот аттракцион “Убей Дантеса”» (2002) поэт аналогичным образом саркастически комментировал появление в Царском Селе соответствующей забавы для всей семьи, где каждый посетитель парка может попробовать себя в качестве стрелка и убить манекенную копию человека в офицерском мундире, который вошел в историю как убийца Пушкина. Заканчивая рассказ об этом сомнительном увеселении, С. Стратановский задумывается над вопросом его популярности и мысленно рисует картину появления в городе «по мотивам» других подобных развлекательных аттракционов на злобу дня, в которой активно использует некоторые образцы этнофолизмов для негативного обозначения жителей республик Северного Кавказа вне зависимости от их национальности, отношения к религии и даже рода деятельности – как преступников, так и мирных жителей, никак не связанных с боевыми действиями. В нашем случае в тексте анализируемого стихотворения С. Стратановским используются слова «чучмек», вульгаризм с негативным оттенком, используемый в адрес абсолютно любого жителя Северного Кавказа по аналогии со словами «жид» для евреев или «чурка» для выходцев из стран Средней Азии только по факту их «нерусского» или «неславянского» происхождения или места рождения/жительства, и «абрек» – слово, которым обозначают любого северокавказского человека, ушедшего в горы, ведущего преступный образ жизни, занимающегося партизанскими вылазками на мирные территории, а изначально использовавшееся только для людей, изгнанных своими тейпами за те или иные серьезные преступления. Для обозначения стрельбы по таким же муляжным, как и Дантес из первого четверостишия, выходцам из северокавказских республик в стихотворении также было задействовано детское слово из прошлого века «пулять», которое является разговорным и используется для обозначения хаотичной, небрежной стрельбы по произвольным точкам. «Будет нам аттракцион “Убей чучмека!”... Будем целиться в муляжного абрека / И детей своих пулять научим», – резюмирует Стратановский. Использование уничижительных ярлыков для обозначения людей разных национальностей поэт продолжает и в дальнейшем, схожим образом комментируя события в стране и мире разной степени удаленности от дня сегодняшнего.

Остальная история России и мира в целом также рассматривается с подобных нестандартных позиций. Особое положение здесь занимает поэма «Суворов». В ее тексте Стратановскому удается с хирургической точностью совмещать одический державный слог, характерный для поэтических произведений на день рождения потенциального престолонаследника или посвященных очередной военной победе, с образцами сниженной лексики, неологизмов

и канцелярско-плакатного языка советского времени, которое слабо коррелируется с эпохой Суворова. Показательными в данном случае выглядят вот эти два нижеследующих четверостишия: «И будет повержен уродец. Державная кукла, палач. Орд татарских полководец, в лаврах временных удач». Или: «И россы – воины христовы – за веру и жизнь отдать готовы. В единоверии – сила нации. Это принцип империи и принцип администрации»⁹. Среди других примеров жаргона или неологизмов в тексте выделяются следующие: «водитель масс», «культурфеномен», «божий сор», «парадный сор», «палач», «татаро-волк», «фрейдович», «тамбур-болван».

Отдельным самостоятельным пластом в творчестве Стратановского являются стихотворения в жанре научной фантастики – стихотворные миниатюрные антиутопии, в основу которых была сознательно положена оппозиция культурного и биологического. Наглядным примером служит приведенный далее фрагмент из его «Научной фантастики в стихах»:

У штабного компьютера
«Армагеддон-19»
У дисплея его
собрались воеводы в доспехах
Завтра в 11.40
начинается бой за планету
Боероботов света
против роботов мглы неизбежной
В оба глядите народы:
биопокров под угрозой
Ровно в 11.40 –
не забудьте включить телевизор.

Биоархитектура:
живой инвентарь проживанья
Джунгли растений-жилищ,
недра животных-жилищ
Мир организмов-домов,
организмов-заводов и службищ
Всасывающих вместилищ
тысяч людей и машин
Плачут Железо и Камень,

⁹ Цит. по: *Стратановский С.* Стихи // Интернет-портал «Вавилон: современная русская литература». URL: <https://www.vavilon.ru/texts/stratanovsky1-5.html> (дата обращения 22 сентября 2024).

плачут дрожащие жертвы
Рая белкового –
всепожирающей Жизни¹⁰.

Каждое достижение человеческого прогресса, как это и положено антиутопиям, подвергается у Стратановского мощной критической рефлексии, а также сопровождается введением в поэтический текст неологизмов или же нестандартных, неочевидных и неожиданных метафор.

Подводя итог нашему исследованию, можно сказать, что Сергей Стратановский является «цельным» поэтом ленинградского андеграунда с широким тематическим репертуаром, в котором находится место и для социально-политических комментариев на злобу дня с вольным использованием сниженной или вульгарной лексики до подражаний одам и антиутопиям. Главным его приемом являлось сталкивание разных языков в целях сознательного создания неких стилистических, провоцирующих реципиента «монстров», как на уровне разных поэтик, так и в пределах словосочетаний. В этом случае возникают неожиданные сопоставления, которые стали своего рода отличительной чертой его стиля.

Информация об авторе

Максим В. Пронин, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; pronin-mv2016@yandex.ru

Information about the author

Maksim V. Pronin, postgraduate student, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; pronin-mv2016@yandex.ru

¹⁰ Цит. по: *Стратановский С.* Указ. соч.